

Александр Гарцев

Я ТВОЙ СЫН

Книга вторая

18+

Александр Гарцев

Я ТВОЙ СЫН

<https://litres.ru/74304288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение саги Александра Гарцева "Я твой сын".

Книга первая.

Шестнадцатилетний Алексей приезжает к старшей сестре на завод. Он талантлив, работающ, его портрет висит на Доске Почёта. Но доброта и мягкость оборачиваются слабостью: Алексей изменяет жене, которая ждёт ребёнка, и сестра отправляет его в Сибирь — одуматься. Он уезжает, оставляя за спиной жену, неродившегося сына и свою юность.

Книга вторая.

Сибирь, Улан-Удэ, Новосибирск, станция Шик. Алексей пишет письма жене, умоляет приехать, но получает отказ. Он пытается забыться — в работе, в женщинах, в водке. Теряет документы, работу, последнюю надежду. Но жизнь даёт ему второй шанс: он встречает Аню, немку-переселенку, рождает дочерей, перестаёт пить. Кажется, прошлое осталось позади. Но в 1975 году на пороге его дома появляется сын.

Содержание

Глава 1. Чужая земля	4
Глава 2. Письмо в прошлое	9
Глава 3. Ответ	13
Глава 4. Работа на лесоповале	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Гарцев

Я твой сын

Глава 1. Чужая земля

Март 1951 года, Улан-Удэ

Март в Забайкалье не имел ничего общего с мартом в Красноярске. Там, на Вятке, снег уже таял, капало с крыш, пахло весной и набухающими почками. Здесь же стояла глухая зима — морозная, сухая, бесконечная. Снег не думал таять: он лежал плотно, слежавшийся, с синеватым оттенком, и хрустел под ногами так, будто шёл по битому стеклу. Небо было высоким, бледно-голубым, без единого облачка, но солнце висело в нём холодное, безжизненное, не греющее, а только слепящее глаза бесконечным отражением снежных полей.

Поезд прибыл на вокзал Улан-Удэ ранним утром. Алексей вышел из вагона и остановился на перроне, сжимая в руке потёртый мешок. Вокзал был низким, каменным, с круглыми арками и узкими окнами, и казался чуждым, нездешним. Пассажиры — люди с тёмными волосами, раскосыми глазами, в остроконечных шапках и длинных тулупах — сновали мимо, переговариваясь на непонятном языке. Гортанные звуки, резкие, словно удары, врезались в слух. Алексей чув-

ствовал себя так, будто попал на другую планету.

— Леша! — раздался голос из толпы. — Леша, сюда!

Он обернулся и увидел Полину. Она стояла у входа в вокзал, невысокая, полноватая, в толстом шерстяном платке. В руках она держала корзинку, прикрытую чистым полотенцем. Она улыбалась — тепло, по-сестрински, но в глазах её была тревога, которую она тщетно пыталась скрыть.

— Полина, — выдохнул Алексей, подходя к ней. — Здравствуй.

— Здравствуй, Лешенька, — сказала она, обнимая его. — С приездом. С дороги, поди, устал? Идём, я пирожков напекла, чаю горячего заварю.

Она взяла его под руку и повела к выходу. За вокзалом открывалась та же бескрайняя снежная пустошь, пересечённая редкими деревянными домами и палатками. Дороги были занесены, и люди шли по протоптанным тропам, с трудом пробиваясь сквозь сугробы. Вдали виднелись горы — синие, почти чёрные на фоне бледного неба, и казалось, что они подпирают собой небо.

— Куда я попал? — прошептал Алексей, глядя на этот пустынный пейзаж.

— Это Улан-Удэ, — сказала Полина, чуть напрягшись. — Здесь ты и будешь жить. Пока.

Они шли по снежной тропе, и ветер бросал в лицо колющую снежную пыль. Мимо проезжали сани, запряжённые лошадьми, и Алексей смотрел на возниц — людей с раскосы-

ми глазами и широкими лицами, одетых в меховые шапки и длинные тулупы. Они переговаривались на своём языке, иногда громко смеялись, и этот смех казался Алексею чужим, почти пугающим.

— Здесь все такие? — спросил он, кивая на проезжающих.

— Все, — ответила Полина. — Буряты, монголы. Немцев много, ссыльных. Своих, русских, мало. Ты привыкнешь.

— Привыкну? — горько усмехнулся он. — Как можно к этому привыкнуть?

Полина остановилась, повернулась к нему и взяла его за руки. Они были холодными, даже в варежках.

— Леш, — сказала она тихо. — Ты сам выбрал этот путь. Я не виню тебя, но ты должен понять: здесь — твоя жизнь. По крайней мере, сейчас. Мы будем жить вместе, я помогу тебе, чем смогу. Но ты должен взять себя в руки. Понял?

Он кивнул, чувствуя, как внутри закипает злость — на себя, на судьбу, на этот чуждый мир, который окружал его со всех сторон.

— Понял, — сказал он. — Я справлюсь.

Дом Полины был маленьким, деревянным, с низкими потолками и крошечными окнами. Внутри было тепло — печка, которую она топила углём, дышала жаром, и от этого казалось, что стены дышат. Комнаты были простыми, почти бедными: стол, две кровати, старый шкаф и икона в углу. На подоконнике стояла герань — такая же, как у Анны, — и

Алексей вдруг почувствовал острую тоску по дому.

— Садись, — сказала Полина, ставя на стол чайник и тарелку с пирожками. — Я тебя покормлю.

Она налила чай — чёрный, крепкий, с листом смородины. Алексей взял кружку, прижал её к ладоням, греясь, и вдруг почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Он быстро отвернулся, чтобы она не увидела, но она всё заметила.

— Леш, — сказала она, садясь напротив. — Ты не один. Я здесь. Анна там. Мы все с тобой. Ты не должен... не должен сдаваться.

— Я не сдаюсь, — ответил он, глотая слёзы. — Просто... я не знаю, как жить дальше. Там, в Красноярске, у меня была работа, жена, ребёнок скоро... А здесь — что? Чужие люди, чужой язык, пустота.

Полина молчала. Она смотрела на него и думала о том, как сильно он изменился. Тот мальчик, который приехал к ней когда-то, был полон надежд. Теперь перед ней сидел сломленный, уставший человек.

— Ты напишешь ей, — сказала она мягко. — Напишешь письма. Она ответит. Вы будете ждать друг друга. А пока — работай. Работа спасёт тебя. Я помогу устроиться.

Алексей кивнул. Он знал, что она права. Но внутри у него было пусто, как в этой бесконечной снежной степи за окном.

Поздним вечером он вышел на крыльцо. Мороз был таким сильным, что кожа на лице сразу занемела. Он смотрел

на небо — на чёрную бездну, усыпанную звёздами, такими яркими, каких он никогда не видел в родных краях. Они горели холодным светом, и казалось, что до них можно дотянуться рукой.

— Аля, — прошептал он. — Я не подведу. Я вернусь. Я обещаю.

Но ветер заглушил его слова, и они растворились в морозной пустоте, так и не долетев до той, кому были адресованы.

От автора:

« Март 1951 года. Улан-Удэ. Алексей ступил на чужую землю, полную холода и неизвестности. Он не знал, что проведёт здесь долгие годы, что это место станет его тюрьмой и его домом одновременно. Он не знал, что письма, которые он будет писать, не дойдут до сердца той, кому они предназначены. Он просто стоял на крыльце, глядя на звёзды, и верил, что когда-нибудь он вернётся».

Глава 2. Письмо в прошлое

Апрель 1951 года, Улан-Удэ

Апрель в Забайкалье не спешил сдаваться зиме. Снег всё так же лежал на земле плотным настом, и лишь изредка, в полуденные часы, с крыш начинало капать — медленно, лениво, словно само время текло здесь иначе, чем на западе. Но солнце вставало рано и заходило поздно, заливая всё вокруг холодным, слепящим светом. Небо было чистым, синим, без единого облачка, и казалось, что этот свет проникает даже в самые тёмные углы, оставляя после себя странную, пустую прозрачность.

Дом Полины стоял на окраине Улан-Удэ, и по ночам, когда ветер утихал, было слышно, как вдалеке воют собаки. Алексей просыпался от этого воя и долго лежал, глядя в потолок, слушая своё собственное дыхание. Он привык к шуму — к грохоту станков, к голосам людей, к тому, что вокруг всегда кто-то есть. Здесь же, в этой тишине, он чувствовал себя так, будто его заперли в стеклянной банке и выставили на мороз.

Он не находил себе места. Полина устроила его разнорабочим на лесоповал, но он работал механически, без души. Днём он валил лес, вгрызался топором в мёрзлую древесину, и пот заливал глаза. Вечером он возвращался домой уставший, грязный, пахнувший смолой и потом. Он ужинал, почти

не чувствуя вкуса, и уходил в свою комнату, где садился за стол и брал в руки лист бумаги.

С каждым днём он всё острее чувствовал, что должен написать ей. Должен сказать то, что не сказал. Должен попросить прощения. Должен позвать её сюда, в этот чужой, холодный мир, чтобы она была рядом.

И в один из апрельских вечеров он наконец решился.

Он сидел за столом при свете керосиновой лампы. Бумага была грубой, серой, купленной в местном сельпо. Перо скрипело, оставляя неровные следы. Алексей долго смотрел на чистый лист, не зная, с чего начать. Потом, глубоко вздохнув, вывел первые слова:

«Аля, родная, прости меня...»

Он остановился. Слёзы навернулись на глаза, и он вытер их тыльной стороной ладони. Он писал дальше, и каждое слово давалось ему с трудом, как будто он нёс тяжёлый камень:

«Я здесь, как на необитаемом острове. Чужие люди, чужой язык, чужая земля. Я не знаю, как я здесь очутился. Я думаю о тебе каждый день. Каждую ночь я вижу тебя во сне. Ты улыбаешься, а я просыпаюсь, и мне кажется, что я слышу твой голос.

Приезжай, Аля. Приезжай сюда, вместе с ребёнком. Я найду нам жильё, я буду работать день и ночь, чтобы вы ни в чём не нуждались. Я больше никогда не сделаю тебе больно. Я обещаю. Я клянусь.

Я больше не буду пить. Я больше не буду гулять. Я буду только твоим. Навсегда. Прости меня, если сможешь. Я люблю тебя. Я всегда любил только тебя.

Твой Алексей»

Он перечитал письмо. Строчки прыгали перед глазами, смазанные слезами. Он вытер лицо, сложил лист вчетверо, потом ещё раз, будто пытаюсь спрятать его от самого себя. Он не знал, что она ответит. Он боялся, что она не ответит вовсе.

— Леш, — раздался голос от двери.

Он обернулся. Полина стояла на пороге, прислонившись плечом к косяку. Она смотрела на него, и в её глазах была та же тихая боль, что и у него.

— Ты письмо пишешь? — спросила она.

Он кивнул, не в силах говорить.

— Давай, — сказала она, протягивая ему конверт и марку.
— Я завтра на почту схожу. Отправлю.

Алексей взял конверт, аккуратно вложил письмо, заклеил и протянул ей. Их руки встретились, и он почувствовал, как дрожит его собственная рука.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила она. — Письма — они помогают. Даже если не приходит ответ.

Она ушла, оставив его одного. Алексей сидел за столом, глядя на пустую кружку и оплывший огарок свечи. Где-то далеко, за тысячу вёрст, лежал его дом, его жена, его ещё не

рождённый сын. Он надеялся, что это письмо дойдёт до них. Он надеялся, что оно что-то изменит.

Ночью ему приснился сон. Алевтина стояла на пороге дома Сергея Малых, держа на руках ребёнка. Она улыбалась, но улыбка была грустной. Ребёнок — крошечный, с кудрявой головкой — смотрел на Алексея большими серыми глазами. Алексей хотел подойти, обнять их, но что-то держало его. Стена, невидимая, прозрачная, через которую нельзя было переступить.

Он проснулся в холодном поту. За окном было темно, только луна серебрила снег. Он лежал, глядя в потолок, и думал о том, что она не приедет. Он чувствовал это кожей. Она не приедет. Она не простит.

Но он всё равно будет ждать.

От автора:

« Апрель 1951 года. Улан-Удэ. Алексей написал первое письмо Алевтине, вложив в него всю свою боль, всё своё раскаяние. Он ждал ответа, как ждут чуда. Но ответа не было долго. Он не знал, что письмо дойдёт до неё, но что там, в далёком Красноярске, она будет плакать над ним и не знать, что ответить. Он не знал, что это письмо станет первым шагом на долгом пути, полном обмана и надежды».

Глава 3. Ответ

Май 1951 года, Улан-Удэ

Май в Забайкалье был обманчивым. Днём солнце припекало так, что снег начинал таять, обнажая чёрную, мокрую землю, и казалось, что весна наконец-то вступает в свои права. Но к вечеру снова ударял мороз, и всё замерзло — лужи, грязь, надежды. Воздух был сухим, прозрачным, и в нём пахло чем-то горьким — то ли дымом, то ли полыньёю.

Алексей ждал. Он ждал каждый день, каждую минуту. После того как письмо ушло в Красноярск, он словно замер — всё его существо было устремлено в одну точку, в ожидание ответа. Он просыпался утром, шёл на лесоповал, валил деревья, но мысли его были далеко — там, за тысячу вёрст, где его жена, его сын, его жизнь.

По вечерам он сидел у окна и смотрел на дорогу. Каждый раз, когда кто-то проходил мимо, он вздрагивал. Каждый раз, когда почтальон проезжал на велосипеде, его сердце пропускало удар. Полина видела это и молчала. Она ставила перед ним кружку с чаем, клала кусок хлеба и уходила в свою комнату, оставляя его наедине с его ожиданием.

— Придёт, — говорил он сам себе. — Должна прийти. Она же любит меня.

Но в глубине души он боялся, что она не простит. Что она забыла. Что она вычеркнула его из своей жизни.

Ответ пришёл в конце мая. Полина принесла письмо, когда он только вернулся с лесоповала — уставший, грязный, с мокрыми от пота волосами. Она вошла в комнату, держа конверт в руке, и он сразу понял, что это оно. По её лицу, по тому, как она смотрела на него, он понял, что внутри письма — не только слова.

— Леш, — сказала она тихо. — Тебе письмо. От Альки.

Он выхватил конверт, сломал печать и начал читать. Руки его дрожали, буквы прыгали перед глазами, и он почти не мог разобрать, что написано.

«Лешенька, милый...

Я получила твоё письмо. Спасибо тебе за него. Знаешь, я столько раз представляла, что ты напишешь, что ты скажешь. И когда я увидела конверт, я плакала. И сейчас плачу, когда пишу тебе.

Я родила. Сына. Здоровый, крикливый, похожий на тебя. Я назвала его Сашей. Саша — хорошее имя. Он уже улыбается, когда я ему пою. Он такой маленький, такой тёплый, такой мой. Я прижимаю его к груди и думаю: как же он похож на тебя. Те же серые глаза, те же кудряшки. Я смотрю на него и вижу тебя.

Леш, я не знаю, что сказать. Ты просишь приехать. Я хочу, очень хочу. Но я не могу. Пока не могу.

Мама больна, очень больна. Врачи говорят — сердце. Ей нужен уход, а кроме меня, никому. Клавдия помогает, но у

неё свои дети, трое пацанов, которые растут без отца. Я не могу оставить маму. Она одна, у неё никого нет.

К тому же завод — ты знаешь, как я дорожу работой. Я старший нормировщик. Меня не отпустят, даже если я попрошу. А если брошу — кому я там, в Сибири, нужна буду? С ребёнком на руках? Ты сам работу не нашёл, а я с маленьким...

Леш, я не говорю «нет». Я говорю «подожди». Мы подождём. Я верю, что всё у нас будет хорошо. Но сейчас — просто подожди. Саша растёт, я пишу тебе. Мы будем вместе, я верю. Только дай мне время.

Твоя Аля»

Алексей дочитал письмо и замер. Руки его дрожали. Он перечитал его снова, потом ещё раз, и каждый раз в груди разрасталась пустота. Она не сказала «да». Она не сказала «нет». Она сказала «подожди».

И эти слова были страшнее любого отказа.

Он вышел из комнаты, вышел на крыльцо и сел на ступеньки, сжимая письмо в кулаке. Солнце уже садилось, окрашивая небо в багряные тона. Где-то вдалеке слышался собачий лай, и ветер доносил запах дыма.

— Подожди, — прошептал он. — Подожди... А сколько ждать? Год? Два? Десять?

Он знал, что она не приедет. Он чувствовал это каждой клеткой тела. Она искала причины, чтобы не ехать, потому что боялась. Боялась, что он снова предаст. Боялась, что она

не справится. Боялась, что этот её мир, где она была сильной, самостоятельной, разрушится, если она окажется в чужой, непонятной земле.

— Она боится, — сказал он громко, ни к кому не обращаясь. — Она не верит мне.

Полина вышла на крыльцо, села рядом и положила руку ему на плечо.

— Леш, — сказала она мягко. — Она не говорит «нет». Она говорит «подожди». Это уже хорошо. Это значит, она не забыла тебя.

— Она не приедет, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я знаю. Она не приедет. И я не знаю, что мне делать.

— Жить, — сказала она. — Жить и ждать. А пока — работать. Работа — это единственное, что спасает. Ты понял?

Он не ответил. Он просто сидел на ступеньках, сжимая письмо в руке, и смотрел на закат. Где-то там, за тысячу вёрст, его жена держала на руках его сына. Его сына, которого он никогда не видел. И он не знал, увидит ли когда-нибудь.

От автора:

«Май 1951 года. Улан-Удэ. Ответ пришёл, но он не принёс облегчения. Алевтина не сказала «да», не сказала «нет». Она сказала «подожди». И эти слова стали для Алексея разговором, который он будет носить в себе долгие годы. Он не знал, что пройдут десятилетия, прежде чем он снова увидит её. И что эта встреча станет его последней.»

Глава 4. Работа на лесоповале

Лето 1951 года, Улан-Удэ

Лето пришло в Забайкалье внезапно. Снег сошёл за неделю, обнажив чёрную, мокрую землю, которая быстро подсыхала на солнце. Но это лето было не таким, как на Вятке. Здесь не было мягких зелёных лугов и тенистых берёзовых рощ — только бескрайняя степь, сухая, жёлтая, выжженная солнцем, и горы, синие, далёкие, казавшиеся неприступными. Воздух был горячим и сухим, как в печи, и пыль поднималась при каждом шаге, оседая на одежде и в лёгких.

Алексей устроился на лесоповал через дядю Мишу — соседа Полины, бурята с широким, скуластым лицом и добрыми, немного хитрыми глазами. Он работал на складе и знал всех в посёлке. Когда Полина попросила его помочь с устройством, он оглядел Алексея, хмыкнул и сказал:

— Русский мужик? На лесоповал? Сможешь? Там работа тяжёлая. Не каждый выдерживает.

— Выдержу, — сказал Алексей, хотя сам не был уверен.

— Ну, смотри, — сказал дядя Миша, хлопнув его по плечу. — Там, где топор поёт, там и мужик плачет. Но если осилишь — будет хлеб.

Лесоповал находился в двадцати километрах от города, в горной тайге. Туда ездили на грузовике — старой, разбитой полуторке, которая грохотала и дымила, как паровоз. Дорога

была ужасной — ухабы, камни, грязь, — и каждый раз, когда машина подпрыгивала, Алексей ударялся головой о крышу кузова. Мужики, которые ехали с ним, молчали или переговаривались на бурятском, и он чувствовал себя чужим среди них.

Работа началась на рассвете. Бригадир, высокий, сухой мужик с обветренным лицом, выдал Алексею топор и показал, что делать. Никто не учил его — он учился на ходу, глядя на других. Сначала было трудно: топор скользил по дереву, удары были слабыми, руки болели. Но он упорно продолжал, вгрызаясь в древесину, пока сосны не начинали падать. И когда первая сосна рухнула на землю, он почувствовал странное удовлетворение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.